

ИДЕОЛОГИКО-ПРАВОВАЯ ПРИРОДА «БЕЛЫХ» ДИКТАТУР (1918–1920 ГОДЫ)

В работе анализируется идеологическая и правовая природа «белых» диктатур, существовавших с ноября 1918 по апрель 1920 г. В центре исследования сама диктатура как форма осуществления государственной власти. Актуальность работы заключается в возможности использования в период военного времени методов диктаториального властвования для обеспечения господства либеральной демократии. Целью настоящей статьи является доказывание того, что «белые» режимы не являлись авторитарными в современном понимании данного слова, а базировались на идеях либеральной демократии. Методологическую основу исследования составляет совокупность методов научного познания, среди которых главное место занимают методы историзма, сравнения и анализа. Совокупное использование данных методов позволило вывить истинную природу «белых» диктатур. В исследовании автор подчеркивает, что особую роль в становлении «белых» диктатур сыграли представители Партии народной свободы (кадеты). Немалую роль в ограничении власти диктаторов играл конституционализм, на котором базировались «белые» режимы, создавая фундамент правовой системы будущей России. Отдельное внимание уделено сфере «указного права» как несомненной прерогативы главы государства. Выводы, сделанные в результате исследования, могут быть использованы в теории государства и права для проведения новой классификации и упорядочения видов государственных (политических) режимов.

ЗАЙНУТДИНОВ Динар Рафаилович

кандидат юридических наук,
руководитель юридического отдела
ЧОУ ВО «Институт социальных
и гуманитарных знаний», доцент
кафедры теории государства
и права и публично-правовых
дисциплин ЧОУ ВО «Казанский
инновационный университет
имени В. Г. Тимирязова (ИЭУП)»
(г. Казань),

knight_1988@mail.ru

**Диктатура;
«белый» режим;
антибольшевизм;
либеральная демократия;
авторитаризм;
правотворчество**

Dinar R. ZAYNUTDINOV

Candidate of Legal Sciences,
Head of the Legal Department
of the Institute of Social Sciences and
Humanities, Associate Professor
of the Department of Theory of State
and Law and Public Disciplines of the
Kazan Innovative University named
after V. G. Timiryasov (IEML) (Kazan),
knight_1988@mail.ru

**Dictatorship;
“white” regime;
anti-bolshevism;
liberal democracy;
authoritarianism,
lawmaking**

IDEOLOGICAL AND LEGAL NATURE OF THE “WHITE” DICTATORSHIPS (1918–1920)

The paper analyzes the ideological and legal nature of the “white” dictatorships that existed from the period of November 1918 to April 1920. The focus of the study is the dictatorship itself as a form of state power. The relevance of the work lies in the possibility of using the methods of dictatorial rule in wartime to ensure the dominance of liberal democracy. The purpose of this work is the process of proving that the “white” regimes were not authoritarian, in the modern sense of the word, but based on the ideas of liberal democracy. The methodological basis of this study is a set of methods of scientific knowledge, among which the main place is occupied by the methods of historicism, comparison and analysis. The cumulative use of these methods allowed us to reveal the true nature of the “white” dictatorships. In the study, the author emphasizes that representatives of the Party of National Freedom (Cadets) played a special role in the formation of “white” dictatorships. A significant role in limiting the power of dictators was played by constitutionalism, on which the “white” regimes were based, creating the foundation of legal system of future Russia. Special attention is paid to the field of the “right to decree”, as the undoubted prerogative of the head of state. The conclusions made as a result of the research can be used in the theory of state and law to conduct a new classification and to streamline the types of state (political) regimes.

Общеизвестно, что теория государства и права делит политические режимы на три вида, из которых авторитарный режим является наиболее многоликим и часто мимикрирующим под демократию. *В отличие от тоталитаризма авторитаризм научился весьма неплохо приспособливаться к современным условиям, искажая институты гражданского общества. Классической формой авторитарного режима является «диктатура», которая, родившись в Древнем Риме, прошла через все эпохи мировой истории.* Сложно назвать государство, в истории которого не существовало бы диктаторского режима. *На рубеже конца XIX – начала XX вв. сильную тенденцию распространения получил такой вид диктатуры, как военная.* Своему развитию военная диктатура во многом обязана краху мировых империй, росту национально-освободительных движений, учащению локальных и широкомасштабных военных конфликтов и, как ни странно, усилению демократизации общества в целом, результатом чего стал и стремительный отход от монархических форм правления в сторону республиканских. Примерами военных диктатур конца XIX – начала XX вв. могут служить: Бразилия – период правления Флориану Пейшоту (1889–1894 гг.); Греция – период правления Теодороса Пангалоса (1925–1926 гг.); Польша – период правления Юзефа Пилсудского (1926–1935 гг.); Испания – период правления Мигеля Примо де Ривера (1923–1930 гг.).

Истории российской государственности также известна военная диктатура. В период Гражданской войны на территории антибольшевистской России были установлены «белые» диктатуры адмирала Александра Васильевича Колчака (ноябрь 1918 – январь 1920 гг.) и генерал-лейтенанта Антона Ивановича Деникина (октябрь 1918 – апрель 1920 гг.). Данные диктатуры представляют собой уникальный пример в истории государства и права. Установление «белых» диктатур пришлось на период начала активной фазы войны и обусловлено стечением ряда обстоятельств как военного (завершение 10 сентября 1918 г. Красной Армией Казанской операции; начало подавления Ижевско-Воткинского восстания; нестабильная обстановка на Юге России в результате начала в июне Второго Кубанского похода), так и политического характера (потеря Комитетом членов Всероссийского Учредительного собрания государственного влияния; смерть 8 октября 1918 г. М. В. Алексея и приход к власти более авторитарного А. И. Деникина). *Свершившийся государственный переворот 18 ноября 1918 г. прервал возможность дальнейшего развития правосоциалистической антибольшевистской государственности на Востоке России.*

Современными историками права, такими как А. Н. Никитин [1], В. Г. Медведев [2], Е. А. Козлова [3], доказано, что «белая» диктатура не принесла той ти-

рании, о которой так любила писать советская историография. Но в то же время правы советские историки, отмечая, что «постепенно несколько аморфная мысль о «твердой власти», вынашиваемая в кадетско-монархических кругах, трансформировалась в идею установления военной диктатуры, которую сразу же подхватила генеральско-февральская контрреволюция» [4, с. 76]. *Установление «белой» диктатуры произошло вследствие прихода к власти именно либерально-демократических кругов во главе с кадетами* [5, с. 31]. Февральская революция 1917 г. возвела либеральную демократию в рамки государственно-правовой идеологии, однако период ее недолговременного господства, образованием первого коалиционного Временного правительства в мае 1917 г., прекратили сторонники правосоциалистических групп. *Таким образом, ноябрьские события 1918 г. для либерал-демократов стали реваншем. С утверждением «белой» диктатуры либеральная демократия получила второй шанс для реализации своих правовых доктрин на просторах антибольшевистской государственности.*

Военное время несомненно требует усиления исполнительной власти и централизации управления, однако в послевоенный период эта тенденция может не остановиться, что чревато перерастанием государственного режима в авторитаризм. Весь риск учреждения диктатуры либерально-демократические круги прекрасно осознавали, но шли на него. Так, руководитель Осведомительного агентства Вооруженных сил на Юге России, правый кадет К. Н. Соколов писал: «Недостатки режима единоличной военной власти были и нам хорошо известны, и, в частности, я в своем изложении часто указывал на связанное с военной диктатурой подавление в управлении гражданского начала военным. Мы мирились с ним диктатуры ради, как мы признавали и защищали диктатуру, во имя успешного ведения вооруженной борьбы» [6, с. 289]. Следует подчеркнуть, что для «белых» режимов (колчаковского и деникинско-го) диктатура не являлась самоцелью. Идея диктатуры считалась лишь самым коротким вариантом для достижения цели – победы и завершения Гражданской войны. «Образно говоря, речь шла о «вышибании клином клина»: одна диктатура должна быть уничтожена другой диктатурой» [7, с. 9]. *Здесь возникает закономерный вопрос: может ли быть диктатура не авторитарной?*

Для обозначения режима авторитарным недостаточно, чтобы главой государства являлся военный лидер. История знает подобные примеры. Так, неоднократно в Великобритании высшую исполнительную власть возглавлял бывший военный: 25-й и 28-й премьер-министр герцог Веллингтон Артур Уэлсли; 61-й и 63-й премьер-министр Уинстон Черчилль. Обе

упомянутые личности имели весьма консервативные воззрения на ведение государственной и правовой политики, однако от этого они не стали диктаторами. На вопрос об установлении авторитарного режима в этот период в Великобритании также следует ответить отрицательно. Хотя несомненно, что в эти периоды в Великобритании исполнительная ветвь власти была значительно усилена, а это в свою очередь позволяет утверждать об использовании методов диктатуры в осуществлении власти. Однако от этого демократический режим все равно не стал авторитарным. *Таким образом, в указанные периоды форма режима в Великобритании складывалась в диктатуру либеральной демократии.*

«Белая» Россия в период Гражданской войны (ноябрь 1918 – апрель 1920 гг.) развивалась по образцу, в некотором роде схожему с вышеуказанными историческими отрезками Великобритании. С помощью «белой» диктатуры либеральная демократия утверждалась в государственно-правовом значении. Поэтому можно сказать, что не диктатура использовала либеральную демократию, а либеральная демократия – диктатуру. «Белая» диктатура в России – это диктатура либеральной демократии, даже при всей противоречивости данного заключения. Из трех крупнейших течений антибольшевизма – монархическо-консервативные круги, правосоциалистические группы, либерал-демократы – только последние могли учредить диктатуру. Крах правосоциалистических режимов осенью 1918 г. ознаменовал отход от идеи необходимости скорейшего создания высшей представительной (законодательной) ветви власти. Так, идея народного представительства уступила место первоочередной цели – победе в Гражданской войне. В соответствии с поставленной целью на первый план вышла идея укрепления всей исполнительной ветви власти, из которой родилась идея диктатуры. В данном отношении К. Н. Соколов отмечал: «Организация военной диктатуры была, в конце концов, воспринята всеми нами не в силу особого пристрастия к личному режиму, недостатки которого для всех очевидны, а в силу железной необходимости сосредоточения власти в условиях гражданской войны» [6, с. 257–258]. Переход к «белой» диктатуре можно обозначить как постепенную утрату ведущих позиций существовавшими антибольшевистскими представительными органами (Сибирская областная Дума, Съезд членов Всероссийского Учредительного собрания). В этот период в части интеллектуальных кругов стала усиливаться не столько сама идея диктатуры, сколько цель необходимости завершения все дальше затягивавшейся Гражданской войны.

Гарантом недопущения формирования авторитарного режима в послевоенной России стали идеи конституционализма. Именно поэтому, говоря

о форме осуществления государственной власти на территории «белой» России, ее следует обозначить как конституционную (ограниченную) диктатуру [8, с. 42–58]. «Белая» диктатура сдерживалась правовыми рамками. Создавая данные рамки, либеральная демократия выстраивала определенный поэтапный путь демократизации российского общества. В то же время «причинами становления и развития военнотиктаторских политических режимов, как представляется, послужили не только факторы военной обстановки, требовавшие жесткого централизованного военного и гражданского управления, сосредоточенного в одних руках, но и отсутствие в российском обществе демократических традиций, крайне низкая правовая культура, политический и правовой нигилизм и традиционный абсентеизм большей части населения, по преимуществу рабочих и крестьян, от любой власти» [2, с. 226].

Нельзя не согласиться с И. А. Исаевым, который указывает: «Как показывает опыт, диктатура может быть абсолютистской, демократической и даже классовой» [9, с. 69]. Но здесь следует разобраться, что выступало первоосновой для «белых» режимов 1918–1920 гг. – демократия для диктатуры или диктатура для демократии. Если говорить о «демократии для диктатуры», то, несомненно, проявляется использование демократии в качестве декорации, скрывающей неограниченную власть диктатора. Демократические институты в данном случае будут выступать лишь для формирования и усиления авторитаризма. «Автократия и персоналистический режим не предполагают демократии, в том числе и гибридной» [10, с. 168], – пишет Е. А. Лукьянова. Говоря о «белой» диктатуре, следует отметить, что ни А. В. Колчак, ни А. И. Деникин не стремились к усилению личной власти, из которой рождается «чистая» диктатура. В этом отношении С. П. Мельгунов подчеркивал, что «для Колчака диктатура, во всяком случае, не была чем-то самодовлеющим» [5, с. 31]. Сами «белые» диктаторы прекрасно понимали свою роль в «белой» государственности – это руководство борьбы с большевизмом. Целью и задачами своей деятельности они видели победу над большевиками и окончание Гражданской войны, что в свою очередь означало ненадобность диктатуры. В частности, в Обращении «К населению России» Верховный правитель России А. В. Колчак заявил: «Главной своей задачей ставлю создание боеспособной армии, победу над большевизмом и установление законности и правопорядка, дабы народ мог беспрепятственно избрать себе образ правления, который он пожелает, и осуществить великие идеи свободы, ныне провозглашенные по всему миру» [11, с. 11]. Аналогичные заявления он делал неоднократно на протяжении всего периода правления, в том числе и в зарубежной прессе [12]. Нельзя также заявлять, что «белые» дик-

таторы стремились к установлению личной власти в послевоенный период. Они были лишены тяготения к властвованию. Особо примечательно, что при вступлении в должность Верховного правителя А. В. Колчак не упомянул о врученной ему гражданской власти (Приказ Верховного Главнокомандующего всеми сухопутными и морскими вооруженными силами России А.В. Колчака № 1/40 от 18 ноября 1918 г.) [11, с. 10–11]. А. В. Колчак неоднократно подчеркивал, что его полномочия – это полномочия в военной сфере. *Следует отметить, что А. В. Колчак придерживался рамок того конституционализма, который утвердила для него либеральная демократия в декларативно-учредительном документе высшей юридической силы – Положении о временном устройстве государственной власти в России от 18 ноября 1918 г. («Конституция 18 ноября 1918 года»)* [11, с. 11–12]. В данном отношении И. И. Сукин отмечал, что А. В. Колчак «весьма дорожил конституционностью своих полномочий, считал себя ограниченным законом и связанным голосом Совета Министров во всех вопросах законодательства и внутреннего управления» [13, с. 409]. Также Верховный правитель считал себя связанным присягой, данной Правительствующему Сенату при вступлении в должность, в которой он признавал народ в качестве высшего источника власти [14]. Не отрицал он и ответственности перед будущим высшим представительным (законодательным) органом власти [12].

Аналогию диктаториального властвования можно увидеть и в период правления Главнокомандующего Вооруженными силами на Юге России А. И. Деникина. Хотя К. Н. Соколов и отмечал, что А. И. Деникин «предпочитал чистую форму диктатуры» [6, с. 46], тем не менее «белый» режим на Юге России никак нельзя назвать «чистой» диктатурой. Для «чистой» диктатуры всегда характерно огромное тяготение вождя к единовластию. В данном отношении примечательны выводы И. М. Калинина, бывшего военного прокурора при Донском военном суде в 1918 г.: «Эпоха Гражданской войны на Юге России в 1918–1919 годах ни в коем случае не может быть названа деникинщиной, так как личность главнокомандующего далеко не определяла ни целей, ни характера борьбы с Советской властью и даже не являлась центральной фигурой всего антибольшевистского движения... Деникин сам ничего не создавал и даже ничего не реформировал» [15, с. 36]. Сказанное можно дополнить словами одного из деникинских биографов В. Д. Лихачева: «Деникин видел в диктатуре лишь переходную фазу, неизбежную в условиях гражданской смуты. И не удивительно, что при таком взгляде на свои функции так называемая «диктатура» его имела весьма призрачный характер» [16]. *Более того, конституционная (ограниченная) диктатура А. И. Деникина, в отличие от ее аналога на Востоке России, была значительно*

плотнее окружена всеразличными общественно-политическими межпартийными организациями (Всероссийский национальный центр, Союз возрождения России, Совет государственного объединения России). Они играли колоссальную роль не только в выработке политико-правового курса и идеологии «белой» государственности, но и в ее правотворчестве, участвуя в обсуждении законопроектов, внося поправки и непосредственно представляя свои варианты. Ведущую роль играл Всероссийский национальный центр, стоявший на твердых либерально-демократических позициях. Эта особенность во многом обеспечила конституционный характер «белой» диктатуры на Юге России. Здесь следует согласиться с В. Ж. Цветковым в том, что «хотя принципиальных различий в «диктаториальных началах» на юге и в Сибири не было, совещательные функции т.н. «деникинское правительство» были гораздо шире омского Совета министров» [17, с. 132]. «Чистая» диктатура А. И. Деникина *выражалась в его непререкаемой власти в сфере командования армией, что он и подчеркивал изначально.* Так, К. Н. Соколов писал, что перед смертью М. В. Алексева «сам собой вставал вопрос, какое звание примет генерал Деникин, когда после смерти верховного руководителя он один останется во главе Добровольческой армии. Предлагались и отвергались разные, более или менее звучные титулы. Генерал Деникин заявил, что он не примет никакого звания, кроме выходящего военно-командный характер его власти. Сейчас он командующий Добровольческой армией. Хорошо, повысившись в ранге, он станет главнокомандующим Добровольческой армией – и больше ничего» [6, с. 47]. Следует отдать должное А. И. Деникину, не изменившему этой позиции. Приняв звание Главнокомандующего Вооруженными силами на Юге России, он так и остался им вплоть до ухода с поста в апреле 1920 г. *В сфере отправления гражданской власти и реализации правовой политики А. И. Деникин полагался на кадетов как на представителей либерально-демократических кругов.* «В обстановке краха Деникин последовал многим советам кадетов, а в ряде случаев даже пошел дальше. 30 декабря 1919 г. он упразднил Особое совещание, а в начале февраля 1920 г., отказавшись от диктатуры, назначил ответственное перед Законодательной палатой Южнорусское правительство» [18, с. 694].

«Белой» диктатуре был присущ выборный характер. Естественно, ни А. В. Колчака, ни А. И. Деникина не выбирали на основании некоего юридического документа, а лишь руководствуясь фактическим тяготением представителей либерально-демократических кругов к идее диктатуры. *В частности, на Востоке России в преддверии государственного переворота 18 ноября 1918 г. А. В. Колчак был далеко не единственной кандидатурой на должность «диктатора».* Так,

П. В. Вологодский 21 ноября 1918 г. в интервью представителям печати указал, что Совет Министров Российского правительства решил избрать «Верховного правителя России» и что кроме адмирала А. В. Колчака на данную должность также выдвигалась кандидатура генерала Д. Л. Хорвата [11, с. 35]. Также одним из претендентов на должность «диктатора» был генерал В. Г. Болдырев. *В то же время на Юге России А. И. Деникин занял должность «диктатора» вследствие правопреимства военного командования.* Касаясь Юга России и его «белой» диктатуры, процитируем К. Н. Соколова, лаконично охарактеризовавшего А. И. Деникина: «Ничего демократического. Просто русский армейский генерал» [6, с. 46]. Последняя фраза во многом отражает сущность всей «белой» диктатуры и ее взаимоотношения с представителями либеральной демократии. *Последней ни в коем случае не нужна была личность, в которой отражались бы оттенки авторитаризма и тяготения к единоличному властвованию, что было крайне опасно. Либеральной демократии нужна была личность «чисто» военного склада характера, хорошо управляемая в делах государственно-правового строительства.* Только такая личность в военное время могла диктаторскими методами «принести» либеральную демократию в будущую Россию. Также примечательна здесь оценка барона А. П. Будберга А. В. Колчака как диктатора: «Для диктатуры одной импульсивности и вспыльчивой решительности очень недостаточно» [19, с. 338]. В продолжение высказывания А. П. Будберга С. П. Мельгунов как бы заключал: ««Маргариновый диктатор», – с презрительным сожалением скажут большевики, давшие миру образец еще небывалой деспотии. Колчак и не был диктатором в общепринятом смысле слова» [5, с. 32]. *Следовательно, «белый» диктатор – это лицо не столько персонафицированное, сколько должностное.* Неспроста «свое верховенство Колчак «инкрустировал» всевозможными оговорками и ссылками на диктатуру, которая с древнейших времен была республиканским учреждением. А потому он сам не просто диктатор, а «конституционный диктатор, демократ»» [20, с. 149].

Таким образом, нельзя охарактеризовать «белый» режим на Юге и Востоке России в качестве «чистой» диктатуры. В период Гражданской войны в России возник уникальный факт, когда демократия использовала диктатуру в качестве декорации, а не наоборот. Все неизбежные жестокости военного времени либеральная демократия стремилась списать на диктатуру и армию, которые должны были утратить легитимность в связи с установленными для нее рамками военного времени конституционного ограничения. Здесь нельзя обойти слова С. П. Мельгунова, который следующим образом писал об осознании А. В. Колчаком собственного бремени: «Диктатор, бо-

лее чем кто-либо, морально страдал от того, что давала сибирская жизнь – он так же «бурно» ненавидел и насиле. С горечью он сознавал, что это насилие творится все же его именем» [5, с. 34]. Поэтому В. М. Чернов как «ярый противник диктатуры» на страницах парижской газеты «Последние новости» в 1921 г. сделал вывод, что сторонникам «белой» власти (а точнее, правым кадетам) «необходимы диктатура и убийственная демократия» [20, с. 108]. *Тем не менее без поддержки кадетов, возглавивших лагерь либерал-демократов в период Гражданской войны, «белая» диктатура в России учреждена быть не могла, как не могло начаться и строительство «белой» государственности.* Либеральная демократия, учредив конституционную (ограниченную) диктатуру, стремилась обеспечить собственное выживание и утверждение в качестве государственно-правовой идеологии в послевоенной России.

В процессе исследования природы «белой» диктатуры нельзя не коснуться правотворческой деятельности в период ее существования. Непременным действием диктатуры в целях упрочения личной власти главы государства является чрезмерно активное подзаконное правотворчество, которое выражается в так называемом указном праве. Указное право – это право главы государства издавать указы, которое в итоге образует совокупность действующих указов, изданных главой государства [21]. *Постепенный рост доли в подзаконном правотворчестве указного права влечет в будущем неизбежную деформацию всей системы права. В то же время указное право само по себе не приводит к диктатуре, если его численный рост не выходит за границы естественного отправления главой государства собственных полномочий.* Указное право есть несомненная прерогатива главы государства любой страны. Определяющим моментом между «диктаторским» указным правом и «обычным» указным правом выступает количественный фактор издаваемых нормативно-правовых актов. Характерной чертой подзаконного правотворчества является его массовость. «По подсчетам разных исследователей на 10 законов, принятых парламентом, приходится от 100 до 140 нормативных актов правительства» [22, с. 307]. В этом отношении «белые» правительства не являлись исключением и также издавали большое количество подзаконных нормативных актов в целях обеспечения исполнения законов, созданных ими же в порядке делегированного правотворчества. Однако при такой громоздкости нормативных актов, а также гибкости и меньшей формальности подзаконного правотворчества практически теряется идеологическая составляющая. Издаваемые ими нормативные акты не отражали отчетливо доктринальные положения идеологии, в отличие от «закона» (в рамках делегированного правотворчест-

ва), в сущности содержащего путь решения проблемы, т.е. «идею» [8, с. 86]. Поэтому к массивному блоку правительственных нормативно-правовых актов, изданных в порядке подзаконного правотворчества, представители либерал-демократических правящих кругов никак не могли прибавить еще и указное право «белого» диктатора. Это действие, несомненно, привело бы к полному «размыванию» корневой идеологии либеральной демократии. Например, данный факт служил обоснованием того, что Совет министров стремился ограничить нормотворчество Верховного правителя, а именно не допустить чрезмерной активизации указного права. Это четко проявляется в п. 4 Положения о временном устройстве государственной власти в России от 18 ноября 1918 г., согласно которому «все проекты законов и указов рассматриваются в Совете министров и, по одобрении их оным, поступают на утверждение Верховного правителя» [11, с. 12]. Теоретически из содержания данного пункта следует, что любой нормативный акт, не отвечающий основам либерально-демократической идеологии, Советом министров возвращался обратно, не доходя до его утверждения Верховным правителем. Немаловажно, что для осуществления правотворчества (указного права) глава государства должен обладать определенным минимумом профессиональных знаний в области юриспруденции. Этими знаниями ни А. В. Колчак, ни А. И. Деникин не обладали. Условно говоря, знания «белых» диктаторов (в начальный период их правления) о правотворчестве в целом и о праве в частности заканчивались на нормах, содержащихся в военных уставах (хотя само правосознание у «белых» диктаторов было прекрасно развито). Отсутствие необходимых юридических знаний у «белых» диктаторов при вручении им правомочия на создание базы указного права могло сыграть исключительно катастрофическую роль на качестве правовой системы «белой» России. Поэтому, составляя Конституцию от 18 ноября 1918 г., представители либеральной демократии умолчали о праве на правотворчество Верховного правителя. В связи с этим А. Н. Никитин приходит к логическому выводу, что «диктатор, являясь участником законотворческого процесса, по существу не имел установленных «Конституцией» правовых средств активного воздействия на него» [1, с. 110]. Следовательно, главным источником массового подзаконного правотворчества в «белой» России выступал непосредственно Совет министров, нежели чем сам «белый» диктатор с его указным правом.

Помимо подзаконного правотворчества по важнейшим правовым проблемам, исходящим из земельного, рабочего, национального вопросов, «белые» правительства осуществляли и делегированное правотворчество. В этом случае нормативно-правовые

акты, изданные в порядке делегированного правотворчества, никоим образом не должны были вступать в противоречие с указным правом «белого» диктатора. Здесь следует согласиться с Е. А. Лукьяновой в том, что «указное право, входящее в прямую конфронтацию с законом, – явление не столько правовое, сколько политическое» [23, с. 55]. Таким образом, «закон» уходит из правовой орбиты, он становится политическим, а значит, неправовым. В противоположность законотворчеству, корневую основу которого составляет воля народа, в указном праве концентрируется политическая воля главы государства (или диктатора). В указном праве демократические идеи вполне могут быть подменены элементами и атрибутами авторитаризма, который, «захватывая» сферу подзаконного правотворчества, в последующем преодолевает ее границы и проникает в сферу нормативно-правовых актов высшей юридической силы. Вследствие этого, как уже было сказано, происходит неизбежная деформация всей системы права. «Следует особо отметить и то, что правители России никогда не были всерьез заинтересованы в прояснении соотношения закона и указа, справедливо осознавая в этом собственное саморазоблачение. Для них всегда было выгодным отождествление указа и закона в общественном сознании» [23, с. 56]. Для правоведов либеральной демократии, «снабжавших» идеями «белые» правительства, было важно определить содержательную сторону «закона» и «указа» и разграничить сферу их применения. «Белый» диктатор должен был издавать указы в дополнение к «законам», а не подменять их смысл. В данном отношении А. Н. Никитин пишет: «Из статей «Положения о временном устройстве государственной власти в России» определено следует, что Совет Министров обладает законодательными функциями и осуществляет контроль за Верховным правителем. Разработчики «Конституции» явно рассчитывали ограничить деятельность Верховного правителя рамками закона (в разработке и принятии которых Совету Министров принадлежала ключевая роль), намеревались придать власти диктатора подзаконный характер» [1, с. 111]. Разработчики конституционных начал «белых» диктатур в целом смогли сдержать указное право в границах подзаконного правотворчества. Указное право А. В. Колчака и А. И. Деникина в абсолютном большинстве случаев было связано с изданием подзаконных нормативных актов в военной сфере (снабжение, награждение, формирование воинских частей, мобилизация). Этим и объясняется, что «белые» диктаторы в значительной части исполняли свои полномочия в качестве «верховных главнокомандующих», а не как «главы государства». Даже «буквальное толкование статей «Конституции» приводило их к следующему выводу: А. В. Колчак не только не является

диктатором, но даже не обладает реальной властью» [1, с. 130]. Таким образом, изложенное позволяет сделать логический вывод, что в правовой системе «белых» режимов в 1918–1919 гг. указное право не стало механизмом для усиления личной власти «белых» диктаторов. Существовавшее подзаконное правотворчество являлось прерогативой «белых» правительств и находилось под их контролем.

Е. А. Лукьянова отмечает, что демократия либо есть, либо ее нет [10, с. 168]. Однако как оценить ее отсутствие или наличие в период внутренней войны? Критериями выявления большей или меньшей жестокости? Более того, демократические режимы некоторых современных стран были сформированы именно в результате преодоления диктатуры. Ярким примером является Франция – Первая империя периода правления Наполеона Бонапарта (1799–1815 гг.), Вторая империя периода правления Шарля Луи Наполеона (Наполеон III) (1852–1870 гг.). Этот факт позволяет утверждать, что кратковременное установление военной диктатуры в государстве не означает однозначного пути к авторитаризму. Она возможна в ограниченный период времени для преодоления социального кризиса или войны, как внешней, так и внутренней. В военное время общество спланивается и концентрируется на победе (не является исключением и Гражданская война). Оно готово испытать неизбежные правовые ограничения, понимая их необходимость в целях самосохранения. Общество осознанно принимает авторитарные методы властвования, которые олицетворяются в диктатуре конкретной личности, партии, исполнительной власти в целом. Но с приходом мирного времени диктатура, даже конституционно-ограниченная, невозможна. Она губительна для общества, так как несет в себе методы властвования, не дающие в послевоенное время возродиться пониманию того, что личность есть основная ценность государства. Еще в ходе Первой русской революции С. Л. Франк в декабре 1905 г. категорично заявлял: «Личность стоит выше государства, и никакое государство не может смотреть на нее только как на свое орудие. В этом отношении всякая диктатура, от кого бы она ни исходила и какими бы соображениями ни руководствовалась, одинаково безнравственна и недопустима» [24, с. 87]. Эту мысль можно заключить в аксиому того, что «понятие «диктатура» принципиально чуждое «естественному праву» как состояние «противоестественное»» [9, с. 69]. Общество не может прогрессировать при авторитарном режиме – при нем оно умирает. Невозможно не согласиться с Е. Н. Трубецким, отмечавшим: «Военная диктатура, которая является несомненным благом для народов в эпохи борьбы за независимость, становится злом для них, когда внешняя опасность устаревает» [25, с. 64]. Поэтому утвердительно скажем,

что конституционная (ограниченная) диктатура была жизненно необходима и обоснована либеральной демократией в период военного времени, но она никоим образом не расценивала диктатуру как форму осуществления власти в послевоенное время. Для «белых» либерал-демократов диктатура представлялась временной и неизбежной мерой.

«Белая» диктатура была рождена либеральной демократией. Однако «белые» правоведы либерально-демократического направления никогда не рассматривали диктатуру как элемент государственного управления в послевоенное время. Это неоспоримый факт. Более того, приближение краха «белых» режимов заставило представителей либеральной демократии вообще пересмотреть концепцию конституционной (ограниченной) диктатуры в сторону ее демократизации. «Политический кризис конца 1919 г., вызванный падением Омска, привел к «административной революции», ориентированной на сотрудничество с общественностью (в том числе – с оппозиционной). Но, меняя курс, белая власть не учла степени потенциального недоверия к своей политике... Получался парадоксальный и, во многом, порочный круг. Чем больше правительство говорило об «отказе от диктатуры» и «союзе с демократией», тем сильнее становились позиции противников «колчаковщины» среди «общественности», видевших в «административной революции» проявление слабости власти, тактические уступки, а не искреннее стремление к переменам» [26, с. 60]. Тем не менее к концу 1919 г. все усилия либеральной демократии на Востоке России изменить механизм государственного администрирования не дали никаких результатов. Схожие события произошли и на «белом» Юге в начале 1920 г. Не была осознана общественностью изначально принятая концепция, согласно которой диктатура учреждалась в военное время лишь для обеспечения господства либерально-демократического режима в последующее послевоенное время. Дальнейшая стремительная демократизация привела к полному развалу всего государственного механизма. В большевистской и «белой» России шли прямо противоположные процессы: если советская власть упорно двигалась в сторону укрепления диктатуры пролетариата через правовое оформление авторитарного режима, то «белая» власть – в сторону ограничения полномочий главы государства и перехода к представительному правлению. Тенденции демократизации в среде представителей либеральной демократии с крахом «белого» режима в ноябре 1920 г. усилились. В эмиграции начинается последовательный отказ от идеи диктатуры как формы осуществления власти. Эта тенденция ярко проявилась уже на заседании Парижской группы от 2 декабря 1920 г. Партии Народной свободы (протокол № 15 и протокол № 16) [27, с. 41].

Период пребывания «белых» либерал-демократов в странах с уже устоявшимся демократическим режимом оказал существенное влияние на их правовые воззрения. *Постепенно идея диктатуры исчезает из либерально-демократических правовых концепций о постбольшевистском устройстве России.*

Итак, исходя из вышеизложенного ответим на вопрос, может ли быть диктатура не авторитарной: вполне может.

Авторитаризм характеризует ряд черт, таких как подавление политического плюрализма и оппозиции, несменяемость власти, деятельность парламента-симулякра, имитация институтов демократии и др. *Многие черты авторитаризма, в том числе и вышеперечисленные, не были присущи режиму конституционной (ограниченной) диктатуры в «белой» государственности.* В частности, «белые» режимы в любой момент могли создать парламент-симулякр, состоящий из представителей состоятельных классов, но не создали, так как хотели образовать настоящий, а не декоративный высший представительный (законодательный) орган власти. Либерально-демократический антибольшевистский лагерь стремился к образованию в России сильного парламента, видя в нем механизм сдерживания исполнительной власти и «лекарство» от авторитаризма. Также авторитаризму присуща имитация демократии, но в «белых» государственных образованиях не было имитации демократии, общественность была многопартийной (даже чрезмерно), наличествовал идеологический плюрализм, идея диктатуры «ходила» лишь в части либерально-демократических групп, да и то, представление о ее правовом положении было весьма и весьма расплывчато. *Созданные конституционные рамки связали «белую» диктатуру ограниченностью во времени. Они должны были обеспечить максимально возможный плавный переход в послевоенное время политического режима в демократическую форму.* В данном отношении В. Ж. Цветков заключает, что

«многим участникам Белого движения представлялся вполне закономерным итог эволюции единоличной диктатуры (обусловленной войной) в конституционную, представительную монархию (после окончания войны)» [28, с. 34]. Изложенное подтверждает ранее высказанную точку зрения о том, что «белая» Россия в период Гражданской войны (ноябрь 1918 – апрель 1920 гг.) развивалась по образцу Великобритании, в некотором роде схожему, с ранее указанными историческими отрезками. *Результатом ликвидации «белой» диктатуры вполне могло быть учреждение либо республики, либо конституционной парламентарной монархии, но однозначно с демократическим режимом.*

Таким образом, в цепочке форм политических режимов, представленных в теории государства и права (тоталитарный – авторитарный – демократический), форма «белого» режима являлась переходной, располагающейся между авторитарным и демократическим. «Белый» режим и «белая» диктатура не являлись ни авторитарными, ни демократическими в современном понимании данных терминов. Военная диктатура в России, воплощенная в «белой» диктатуре, не обладала жестким централизованным единовластием. Немаловажен тот факт, что военной диктатурой в разное время были поражены даже страны, в которых в дальнейшем сложились весьма крепкие традиции демократии и парламентаризма.

Учитывая вышеизложенное, отметим, что, во-первых, «белые» режимы являлись либерально-демократическими, но связанными спецификой военного времени; во-вторых, они являлись прямым продолжением февральской формы политического режима, эволюционировавшего под влиянием кризиса общественных отношений, а значит, основывались на тех же идеях и «завоеваниях» революции 1917 г. *«Белая» диктатура – это уникальное явление в истории государства и права, так как она воплощала в себе диктатуру либеральной демократии.*

Пристатейный библиографический список

1. *Никитин А. Н.* Государственность «белой» России: становление, эволюция, крушение. М. : Право и закон, 2004.
2. *Медведев В. Г.* Органы власти и законодательство антисоветских государственных образований «белой» России в годы гражданской войны. М. ; Берлин : Директ-Медиа, 2014.
3. *Козлова Е. А.* Аграрное законодательство антисоветских государственных образований в годы Гражданской войны в России : монография / под общ. ред. В. Г. Медведева. Самара : Ас Гард, 2012.
4. *Иоффе Г. З.* Крах российской монархической контрреволюции. М. : Наука, 1977.
5. *Мельгунов С. П.* Трагедия адмирала Колчака : в 2 кн. Кн. 2. Ч. III. М. : Айрис-пресс; Лагуна-Арт, 2005.
6. *Соколов К. Н.* Правление генерала Деникина (из воспоминаний). Жуковский ; М. : Кучково поле, 2007.
7. Всероссийский Национальный Центр. М. : РОССПЭН, 2001.
8. *Зайнутдинов Д. Р.* Государственно-правовая идеология «белой» государственности в период Гражданской войны (1918–1920 гг.) : монография. Казань : Универсум, 2016.

9. *Исаев И. А.* Солидарность как воображаемое политико-правовое состояние : монография. М. : Проспект, 2015.
10. *Лукьянова Е. А.* Авторитаризм и демократия / Е. А. Лукьянова, И. Г. Шаблинский. М. : Мысль; Бизнес и Мысль, 2018.
11. *Зензинов В.* Государственный переворот адмирала Колчака в Омске 18 нояб. 1918 года : сборник документов. Париж, 1919.
12. Интервью Верховного Правителя России адмирала А. В. Колчака английской газете «Temps» о задачах внутренней и внешней политики // Вестник Северо-Западной армии. 1919. 12 июля. № 17.
13. Записки Ивана Ивановича Сукина о Правительстве Колчака / *Квакин А. В.* За спиной Колчака : документы и материалы. М. : Аграф, 2005.
14. Сибирская жизнь. 1919. 1 февраля.
15. *Калинин И. М.* Под знаменем Врангеля // Белое дело : избранные произведения : в 16 кн. Кн. 12: Казацкий исход. М. : РГГУ, 2003.
16. *Лехович Д. В.* Белые против красных. Судьба генерала Антона Деникина. М. : Воскресенье, 1992.
17. *Цветков В. Ж.* Белое дело в России. 1919 г. (формирование и эволюция политических структур Белого движения в России). М., 2009.
18. *Шелохаев В. В.* Конституционно-демократическая партия в России и эмиграции. М. : РОССПЭН, 2015.
19. *Будберг А. П.* Дневник. Часть первая // Белое дело : избранные произведения : в 16 кн. Кн. 14: Белый Восток. М. : РГГУ, 2003.
20. *Зимина В. Д.* Белое дело взбунтовавшейся России: Политические режимы Гражданской войны. 1917–1920 гг. М. : РГГУ, 2006.
21. *Додонов В. Н.* Большой юридический словарь / В. Н. Додонов, В. Д. Ермаков, М. А. Крылова, А. В. Палаткин, В. П. Панов, В. Н. Трофимов. М. : ИНФРА-М, 2001.
22. Теория государства и права / С. С. Алексеев, С. И. Архипов и др. М. : Норма, 2005.
23. *Лукьянова Е. А.* Указное право как российский политико-правовой феномен // Журнал российского права. 2001. № 10.
24. Политика и идеи / *Франк С. Л.* Сочинения. Мн. : Харвест ; М. : АСТ, 2000.
25. *Трубецкой Е. Н.* Лекции по энциклопедии права. М. : Т-во тип. А.И. Мамонтова, 1917.
26. *Цветков В. Ж.* Белое дело в России. 1919–1922 гг. (формирование и эволюция политических структур Белого движения в России). М., 2013. Ч. 1.
27. Протоколы Центрального Комитета и заграничных групп конституционно-демократической партии : в 6 т. Т. 4: Протоколы заграничных групп конституционно-демократической партии. Май 1920 г. – июнь 1921 г. М. : Прогресс-Академия; РОССПЭН, 1996.
28. *Цветков В. Ж.* Белое дело в России. 1917–1918 гг. (формирование и эволюция политических структур Белого движения в России). М., 2008.

References

1. *Nikitin A. N.* Statehood of “White” Russia: Formation, Evolution, Collapse. Moscow, 2004.
2. *Medvedev V. G.* The Authorities and Legislation of Anti-Soviet State Formations of “White” Russia During the Years of the Civil War. Moscow ; Berlin, 2014.
3. *Kozlova E. A.* Agrarian Legislation of Anti-Soviet State Formations During the Civil War in Russia: Monograph / Ed. by V. G. Medvedev. Samara, 2012.
4. *Ioffe G. Z.* The Collapse of the Russian Monarchist Counterrevolution. Moscow, 1977.
5. *Melgunov S. P.* The Tragedy of Admiral Kolchak. In 2 books. Book Two. Part III. Moscow, 2005.
6. *Sokolov K. N.* The Reign of General Denikin (from Memories). Zhukovsky; Moscow, 2007.
7. All-Russian National Center. Moscow, 2001.
8. *Zaynutdinov D. R.* State-Legal Ideology of “White” Statehood During the Civil War (1918–1920): Monograph. Kazan, 2016.
9. *Isaev I. A.* Solidarity as an Imaginary Political and Legal State: Monograph. Moscow, 2015.
10. *Lukyanova E. A.* Authoritarianism and Democracy / E. A. Lukyanova, I. G. Shablinsky. Moscow, 2018.
11. *Zeninov V.* The Coup d’État of Admiral Kolchak in Omsk, 18 Nov. 1918: Collection of Documents. Paris, 1919.
12. Interview of the Supreme Ruler of Russia, Admiral A. V. Kolchak to the English Newspaper “Temps” on the Tasks of Domestic and Foreign Policy // Bulletin of the North-Western Army. 1919. 12 July. No. 17.

13. Notes of Ivan Ivanovich Sukin on the Government of Kolchak / *Kvakin A. V.* Behind Kolchak: Documents and Materials. Moscow, 2005.
14. *Sibirskaya zhizn'*. 1919. February 1.
15. *Kalinin I. M.* Under the Banner of Wrangel // White Matter: Selected Works. In 16 books. Book 12: Cossack Outcome. Moscow, 2003.
16. *Lekhovich D. V.* White v. Red. The Fate of General Anton Denikin. Moscow, 1992.
17. *Tsvetkov V. Zh.* White Matter in Russia. 1919 (The Formation and Evolution of the Political Structures of the White Movement in Russia). Moscow, 2009.
18. *Shelokhaev V. V.* The Constitutional Democratic Party in Russia and the Emigration. Moscow, 2015.
19. *Budberg A. P.* A Diary. Part One // White Matter: Selected Works. In 16 books. Book 14: White East. Moscow, 2003.
20. *Zimina V. D.* White Case of Rebellious Russia: The Political Regimes of the Civil War. 1917–1920. Moscow, 2006.
21. *Dodonov V. N.* Big Legal Dictionary / V. N. Dodonov, V. D. Ermakov, M. A. Krylova, A. V. Palatkin, V. P. Panov, V. N. Trofimov. Moscow, 2001.
22. Theory of State and Law / S. S. Alekseev, S. I. Arkhipov et al. Moscow, 2005.
23. *Lukyanova E. A.* Indicative Law as a Russian Political and Legal Phenomenon // Journal of Russian Law. 2001. No. 10.
24. Politics and Ideas / *Frank S. L.* Writings. Minsk; Moscow, 2000.
25. *Trubetskoy E. N.* Lectures on the Encyclopedia of Law. Moscow, 1917.
26. *Tsvetkov V. Zh.* White Matter in Russia. 1919–1922 (The Formation and Evolution of the Political Structures of the White Movement in Russia). Moscow, 2013. Part 1.
27. Protocols of the Central Committee and Foreign Groups of the Constitutional Democratic Party. In 6 vol. Vol. 4: Protocols of Foreign Groups of the Constitutional Democratic Party. May 1920 – June 1921. Moscow, 1996.
28. *Tsvetkov V. Zh.* White Matter in Russia. 1917–1918 (The Formation and Evolution of the Political Structures of the White Movement in Russia). Moscow, 2008.